

Клаверов начал сдавать, постепенно – очень постепенно и осторожно преобразуется Набойкин. Он временно оттесняет патрона, но вполне готов заменить его не временно, а по всем статьям, что, возможно, и произойдет в будущем. Клаверов спасся, но положение его пошатнулось... Необходимые выводы из скандальной истории сделал для себя и Набойкин»³. Афера Клаверова терпит крах, и причиной этого становится «чёрный человек» Клаверова – Шалимов. Заставив своим письмом Бобырёва взглянуть в глаза суровой правде, Шалимов нейтрализует успехи Клаверова. Даже при том, что бобырёвский бунт был кратковременным, хмельным и закончился позорной капитуляцией, Клаверов из-за него упустил контроль за интригой. Не получившая поддержки в минуты личной катастрофы Софья Александровна «прозревает» и публично порывает с Клаверовым.

Таким образом, Шалимов, которого Клаверов характеризует как прямого человека, чуждого всяких хитростей, в конечном итоге, может быть, даже невольно манипулирует Бобырёвым и с его помощью осаживает «поднимающего голову» Клаверова. Он имеет возможность предугадать реакцию Бобырёва и скорее всего рассчитывает на неё, как ранее он рассчитывал, что Клаверов будет «протестовать» против махинаций Клары Фёдоровны. Шалимов подталкивает Бобырёва к протесту, чем расстраивает планы уверенного в успехе Клаверова. Сам Бобырёв ничего не выиграл от происшедшего. «Письмо Шалимова не только не возродило Бобырева, но и ускорило его падение»⁴. Своих целей добился только Шалимов.

Еще раньше Шалимов руками того же Клаверова отстраняет от дел беззащитную Клару Фёдоровну. Отдавая себе отчёт, какое влияние Клаверов оказывает на своих ренегатов-однокашников, использует их в своём противостоянии с коррумпированным и неуязвимым князем Таракановым – своим основным политическим оппонентом.

С. А. Макашин в научной биографии Салтыкова-Щедрина писал, что «для Салтыкова

1862 года этот рационально-просветительский образ (Шалимова. – К. З.) был уже пройденным этапом»⁵ и намекал, что Шалимов «Теней» был повторением «идеализированного образа “честного чиновника”, который Салтыков вывез из Вятки»⁶.

Но, как нам представляется, этот внесценический образ отличается более сложной структурой. Это общественный деятель, презирующий лицемерие, но идущий на манипулирование своими былыми знакомцами для достижения личных политических целей. При этом Шалимов нигде не жмёт, ему удаётся балансировать на этической грани и не допустить подлости.

Это принципиально новый образ положительного героя-деятели, сформулированный Салтыковым-Щедриным на излете реформ 1860-х гг. и оставленный им. Очевидно, содержащийся в созданном им Шалимове внутренний этический компромисс не отвечал высокому нравственному идеалу автора. Так или иначе, фабула драматической сатиры «Тени» вполне может быть рассмотрена с точки зрения «честной» интриги Шалимова – формально лишённой обмана, но, тем не менее, беспощадной и разрушительной.

Примечания

- ¹ Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 4. С. 379. Далее цитаты с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- ² Лившиц Л. Драматическая сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». URL: <http://www.levlivshits.org/index.php/works/vopreki-vremeni/teni/88-teni-4.html> (дата обращения: 27.05.2013).
- ³ Туниманов В. Драматургия М. Е. Салтыкова-Щедрина // Салтыков-Щедрин М. Е. Комедии и драматическая сатира. Л., 1991. С. 24.
- ⁴ Там же. С. 20.
- ⁵ Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. М., 1972. С. 476.
- ⁶ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография : в 2 т. Т. 1. М., 1951. С. 266.

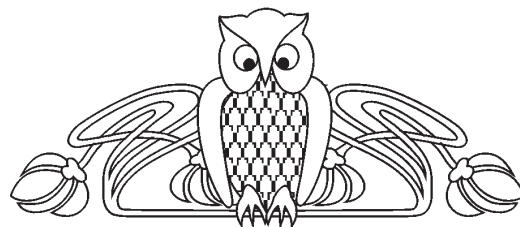
УДК 821.161.1.09:070.13+929Писемский

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ И ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» О ПРОБЛЕМАХ ЦЕНЗУРЫ

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirilif@info.sgu.ru

Статья содержит впервые проделанный целостный анализ программного эпистолярного А. Ф. Писемского, обращенного к редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому и исчерпывающе характеризующего позицию писателя, касающуюся

проблем современной ему литературы, литературной цензуры и свободомыслия в России. Письмо рассматривается как одна из неучтенных акций в рамках общественного выступления русских литераторов за смягчение цензуры, предпринятых в 1861 г. Послание Писемского изучается в контексте сотрудничества в журнале «Отечественные записки» – самом долгом, но наименее изученном в его творческой биографии.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, индивидуальные особенности программы и поэтики, А. А. Краевский, «Отечественные записки», русская цензура XIX в., коллективное выступление русских литераторов 1861 г.

A. F. Pisemsky and the Journal *Otechestvenniye Zapiski* (Homeland Notes) on Censorship Issues

O. V. Timashova

The article contains a first time comprehensive analysis of A. F. Pisemsky's major epistolary addressed to the editor of the journal *Otechestvenniye Zapiski* A. A. Krayevsky. This literary work exhaustively features the writer's point of view on the issues of contemporary literature, literary censorship, and free thought in Russia. The letter is regarded as one of the unregistered acts within the framework of Russian writers' public campaign of 1861 for the ease of censorship. Pisemsky's message is also analyzed in the context of his contribution to the journal *Otechestvenniye Zapiski* – the longest but the least researched period in his life.

Key words: A. F. Pisemsky, individual features of poetics, A. A. Krayevsky, *Otechestvenniye Zapiski*, Russian censorship of the XIXth, Russian writers' public campaign of 1861.

Репутация А. Ф. Писемского как реакционера и ретрограда, насаждаемая современной ему радикальной критикой¹, в последние годы поставлена под справедливое сомнение. Анализ его произведений, немногих собственных высказываний показывает, что писатель горячо погружался в проблемы своего времени, по его собственным словам, «обличал ... невежество..., боролся против Крепостного права, преследовал чиновничьи злоупотребления, обрисовал цветки <...> нигилизма...»² и т. д. Однако его общественно-литературная позиция в той форме, в какой она формулировалась им самим, в полной мере еще не выявлена. На существование данной лакуны повлиял и тот факт, что до сих пор не введено в активный научный оборот одно из немногих программных посланий писателя о состоянии современной ему литературы и цензуры. Возможно, дело в личности адресата послания, который, как и его сотрудник, снискал славу реакционера, – редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский.

Сотрудничество Писемского с журналом А. А. Краевского оказалось самым долгим в творческой биографии писателя (1854–1865) и, как отметила Н. С. Оганян, именно в «Отечественных записках» печатались произведения, которые «явились... отражением идейных и литературно-эстетических воззрений автора»³ (статья о втором томе «Мертвых душ», его роман «Тысяча душ»). Анализ тематики их писем привел А. А. Рошаль⁴ к выводу о том, что, не переходя пределов благонамеренности, оба придерживались более радикальных позиций и образа действий, чем принято считать: так, корреспонденты обсуждают, как легальными способами оказать помощь ссыльному Т. Шевченко! При анализе переписки нас

не оставляет мысль о глубоком уважении к уму и житейской сметке Писемского, которую питал практичный Краевский, и с этой целью извещал обо всех явных и тайных «делах литературных» (Письма, с. 98). Со своей стороны, писатель неоднократно сетовал своему корреспонденту на засилье цензуры: «Весь усиленный труд... пропал, по прихоти цензора, безвозмездно...» (в связи с запретом его повести «Москвич в Гарольдовом плаще»); «... с... грустным... чувством пробегаю я... романы и рассказы моих собратьев, которые, кажется, и приучили Цензоров к бесцветности и пошлости» (Письма, с. 41).

Возможность высказаться гласно о современной литературной ситуации представилась только спустя десять лет. В переписке Писемского с Краевским останавливает внимание послание, отправленное летом 1861 г. – в то время, когда литературный мир вдохновлялся слухами о смягчении цензуры в связи с передачей цензурного ведомства из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. Было задумано создание коллективного письма литераторов и издателей, с изложением их просьб и видения состояния словесности. «... Это *первое* коллективное заявление русских писателей... Никогда еще цензурное ведомство не слышало... массового голоса об условиях, в которых находилась русская печать, и о... необходимых мерах, с помощью которых можно было бы... урегулировать ее взаимоотношения с администрацией»⁵ (курсив автора. – О. Т.). История создания и содержание прошения подробно изложены в цитированной выше монографии М. Лемке. Ученый указывал, что надежда быть услышанными правительством объединила авторов разных направлений – «...дело шло об одинаково дорогой всем... органам свободе печати...»⁶. Лемке предполагает, что в разработке документа приняли участие видные деятели – «... Краевский, Благовестлов, М. М. Достоевский, Елисеев, И. Аксаков»⁷. Однако, указывая, что подписи под бумагой далеко не исчерпывают причастных к созданию и сопровождению документа («...нам неизвестны имена подписавшихся под нею...»), ученый не называет имени Писемского. Последний предстает в названном исследовании в традиционном амплуа обскуранта⁸.

Но когда к Андрею Александровичу как одному из ведущих журналистов обращаются с просьбой о выработке стратегии в переговорах с правительственными кругами, редактор «Отечественных записок», в свою очередь, запрашивает совета у Писемского. Ответное послание писателя в полной мере раскрывает его общественно-литературную программу. Видно, что проблема им выстрадана давно: «...В настоящем... виде она <цензура> существовать не может, так как... понижает Литературу: ...что составляет серьезную мысль, она запрещает, всё, что мелко, пошло, – под её благодетельным влиянием расцветает...» (Письма, с. 145). Далее в письме под четырьмя

пунктами изложены аргументированные требования к правительству, демонстрирующие смелость, широту взглядов и независимость мнений писателя: «Право переводить... сочинения, вышедшие на иностранных языках», «право рассуждать о всевозможных формах Правительства», «право излагать... все философские системы – будь автор Деист, Идеалист, Материалист». И, наконец, самое, с точки зрения писателя и ученика Гоголя, необходимое – обличение: «допустить сатиру в самых широких размерах». Бояться сатиры не следует, если предупредить «нахальную личность (то есть личные оскорбления. – О. Т.) ... в отношении Правительственных лиц, и в отношении Частных». (Оба юридических термина одинаково даны с большой буквы. – О. Т.) (Письма, с. 146).

Писемский стремится доказать, что подобные реформы неизбежны и в конечном итоге помогут самому правительству. Мало того, что полицейское замалчивание бесполезно, так как «Русская Публика... знает иностранные языки и покупает эти книги (запрещенные в России. – О. Т.)... при поездках за границу». Открытое обсуждение снимет флер таинственности и поможет развенчать новомодные западные идеи: «...Если огласятся, то... в критических статьях вызовут и реакцию против себя» (Письма, с. 146). Запрет обсуждения происходящих в стране реформ оборачивается «недомолвками, которые... раздражают читателей, заставляя... предполагать бог знает какую премудрость между строками», чем усиливаются оппозиционные настроения. В качестве вывода предлагается отточенная выстраданная формулировка: «Правительству... следует поставить на вид, что мысль может уничтожаться только мыслию, а не кварталными и цензорами». Как литератор и патриот Писемский убежден, что они, русские писатели, «ничего иного желать *не можем и не должны*» (курсив автора. – О. Т.) (Письма, с. 146).

Но как реалист и опытный тактик, Писемский заранее понимает, что и из этих минимальных требований «разумеется, у нас половину отрежут». И потому с той же строгой логикой излагает вопросы, кои должно будет задать министру прежде, чем раскрывать свою позицию: «чего правительство требует от цензуры?», «дозволено ли нам самим будет проектировать... законы?», «какого рода судилище будет устроено над виновными...?». «Покуда мы не будем знать <...> законов, по которым нас будут казнить, мы... не должны говорить ни слова, ни звука!», – предупреждает он корреспондента о трезвомыслии в игре с превосходящим противником. Писатель призывает редактора скептически отнестись к слухам об облегчении цензуры и, тщательно взвесив плюсы и минусы, сделать выбор между лучшим и хорошим: «...Пусть... лучше остаётся как... идет: цензора... обмануть можно, а... себя не обманешь!» (Письма, с. 146).

В конечном варианте коллективного прошения литераторов нашли отражение многие из тезисов

послания Краевскому. Разумеется, их можно объяснить совпадением настроений в литературной среде. И, однако, созвучий настолько много, что можно назвать Писемского среди авторов эпохального выступления. Власть предержащим впервые было заявлено, что «литература, без всякого сомнения, принадлежит к самым существенным потребностям образованного общества»⁹. Близка позиции Писемского констатация факта, что «благодаря вмешательству... в делах печати русский человек становится в... подчиненное и, можно сказать, рабское положение относительно других наций»¹⁰. В первую очередь, с посланием Писемского Краевскому совпадает тон коллективного прошения – ориентированный на равноправное конструктивное сотрудничество литературы и власти: «...В открытой и честной литературе правительство... может находить себе опору. Чем больше будет дано простора... честной литературе, тем более будут пресекаться пути для тайных и ускользающих от... контроля действий»¹¹.

Авторы коллективного прошения используют аргументы писателя, живописуя реакцию общества на неразумные деспотические запреты: «Окружая тайною правительственные распоряжения, не поселяют ли... в обществе... недоверия к искренности правительства...?». Свойственная Писемскому житейская осторожность проглядывает в опасениях, как бы льготы, дарованные высшей властью, не узурпировались на низшем уровне – «не были отменяемы на практике распоряжениями административных лиц, и не подвергались... произвольным толкованиям»¹². Любопытны сетования авторов прошения на тяжелую долю русского редактора, вынужденного быть двуличным, изворачиваться и лгать: «Занятый своею игрой с цензурой, он не имеет... ни свободы, ни побуждения... вникать в требования закона»¹³. Не отразилась ли в этих словах реакция Краевского на чересчур осторожные, настроенные на «игру с цензурой» советы Писемского?

Как констатировал М. Лемке, коллективное обращение «не имело никаких практических последствий»¹⁴. Некоторые цензурные смягчения для благонамеренных изданий начинаются лишь спустя четыре года, 4 апреля 1865 г. Читателей нашего журнала поспешили известить об этом в «Современной хронике» под лаконичным заголовком «Без цензуры» и с разъясняющим эпиграфом: «12-го сентября редакция “Отечественных записок” получила разрешение на издание журнала без предварительной цензуры»¹⁵. М. Лемке, приводя отклики на цензурную реформу в разных изданиях, не упоминает «Отечественных записок», поскольку, как нам представляется, их отзыв не содержит резко отрицательных или положительных оценок¹⁶. Действительно, журнал попытался «возбудить в умах» читателей объективное представление о значении происходящей реформы: «Она <литература> требовала этого с такой же настоятельностью, как наши суды, как крепостное право...»¹⁷. В финале

статьи Краевский возвращается к значению правительственного разрешения: «Глубоко осозная цену его наряду со всеми пишущими – по крайней мере, пишущими в этом журнале – мы хотим, чтобы оно было создано... читающими»¹⁸. Достоин упоминания, что среди «пишущих» в «Отечественных записках» в этом году вновь отличился Писемский со своим злободневным циклом «Русские лгуны». Можно подумать, Краевский вспоминает его советы, врезав восторженному пафосу напоминая о здравом смысле и осторожности: «Мы... хорошо знаем, как много может зависеть от применения их на практике... Это может обнаружить только время»¹⁹.

Послание писателя Краевскому представляет убедительное возражение критикам-последователям Н. В. Шелгунова, которые полагали, что Писемский в своем мировоззрении не поднимался выше «сельского старосты»²⁰. Кроме того, изложенная в письме литературная программа объясняет противоречия мировоззрения Писемского, позволявшие считать его то убежденным консервативом (С. А. Венгеров, П. Г. Пустовойт²¹), то одним из передовых людей своего времени (А. П. Могиланский, А. А. Рошаль²²). Его взгляды органично сочетали в себе, казалось, несочетаемое: мечты о прекрасном будущем, передовые идеалы, свойственные его времени, и здравый смысл, позволявший осознать, что какие-то из них в настоящее время неосуществимы, а воплощение других зависит от многолетней кропотливой работы и может закончиться новыми неожиданными трудностями.

Примечания

¹ См.: *Зайцев В.* Взбаламученный романист // Русское слово. 1863. № 10. С. 23–44; *Антонович М.* Современные романы // Современник. 1864. № 4. Отд. 2. С. 201–238; *Шелгунов Н.* Люди сороковых и шестиде-

сятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 1–29; № 10. С. 1–38; № 11. С. 1–51; *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отеч. Записки. 1870. № 2. С. 209–228.

² Из письма писателя его французскому переводчику и исследователю творчества В. Дерели: *Писемский А.* Письма / под ред. и комм. М. К. Клемана и А. П. Могиланского. М., Л., 1936. С. 391. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

³ *Оганян Н. К.* вопросу оценки творчества А. Ф. Писемского русской литературной критикой // Науч. тр. Ереван. гос. ун-та. 1960. Т. 70, вып. 8. С. 110.

⁴ См.: *Рошаль А.* Писемский и русская революционная демократия. Л., 1973.

⁵ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 58.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 26, 93, 288, 452, 491.

⁹ Цит по: *Лемке М.* Указ. соч. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Без цензуры // Отеч. записки. 1864. № 9. Отд. «Современная хроника». С. 75.

¹⁶ См.: *Лемке М.* Указ. соч. С. 389.

¹⁷ Отеч. Записки. 1864. № 9. Отд. «Современная хроника». С. 75.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Шелгунов Н.* Указ. соч. С. 44.

²¹ См.: *Венгеров С. А.* Ф. Писемский // Венгеров С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Дружинин. Гончаров. Писемский. СПб., 1911; *Пустовойт П.* Писемский в истории русского романа. М., 1969.

²² См.: *Рошаль А.* Указ. соч.; *Могиланский А. А.* Ф. Писемский. Жизнь и творчество. Л., 1991.

УДК 821.161.109+929[Белинский+Глинский]

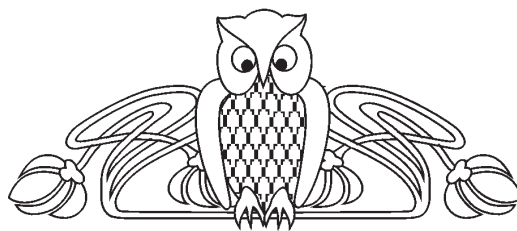
ЗАБЫТЫЙ БИОГРАФ В. Г. БЕЛИНСКОГО

М. А. Силашина

Саратовский государственный университет
E-mail: 90masha@mail.ru

В статье рассказывается об очерке Б. Б. Глинского «Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти». Этот материал оказался практически никак не осмысленным и, по сути, не учтенным даже библиографически в существующих исследованиях о Белинском и его эпохе, хотя заслуживает внимания со стороны ученых.

Ключевые слова: биографический очерк, критика, журнал, литератор, В. Г. Белинский, Б. Б. Глинский, мемуары, юбилейные чествования, летопись, хроника.

Forgotten Biographer of V. G. Belinsky

M. A. Silashina

The article presents a feature story by B. B. Glinisky «Vissarion Grigoryevich Belinsky: in honour of his memory». This story appears not to have been taken into account or registered in reference lists of the existing research papers on Belinsky, although it clearly deserves the researchers' attention.